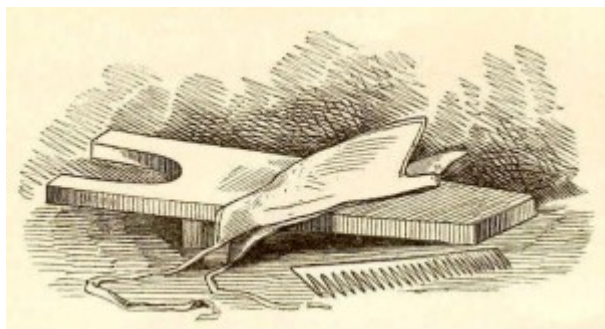

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Воротничок

Жил-был щеголь; у него только и было за душой, что сапожная подставка, гребенка да еще чудеснейший щегольский воротничок. Вот о воротничке-то и пойдет речь.

Воротничок уже довольно пожил на свете и стал подумывать о женитьбе. Случилось ему раз попасть в стирку вместе с чулочной подвязкой.

– Ах! – сказал воротничок. – Что за грация, что за нежность и миловидность! Никогда не видал ничего подобного! Позвольте узнать ваше имя?

– Ах, нет-нет! – отвечала подвязка.

– А где вы, собственно, изволите пребывать? Но подвязка была очень застенчива, вопрос показался ей нескромным, и она молчала.

– Вы, вероятно, завязка? – продолжал воротничок. – Вроде тесемки, которая стягивает платье на талии? Да-да, я вижу, милая барышня, что вы служите и для красоты и для пользы.

– Пожалуйста, не заводите со мной разговоров! – сказала подвязка. – Я, кажется, не подавала вам никакого повода!

– Ваша красота – достаточный повод! – сказал воротничок.

– Ах, сделайте одолжение, держитесь подальше! – вскричала

подвязка. – Вы на вид настоящий мужчина!

– Как же, я ведь щеголь! – сказал воротничок. – У меня есть сапожная подставка и гребенка!

И совсем неправда. Эти вещи принадлежали не ему, а его господину; воротничок просто хвастался.

– Подальше, подальше! – сказала подвязка. – Я не привыкла к такому обращению!

– Недотрога! – сказал воротничок.

Тут его взяли из корыта, выстирали, накрахмалили, высушили на солнце и положили на гладильную доску.

Появился горячий утюг.

– Сударыня! – сказал воротничок утюжной плитке. – Прелестная вдовушка! Я пылаю! Со мной происходит какое-то превращение! Я сгораю! Вы прожигаете меня насквозь! Ух!.. Вашу руку и сердце!

– Ах ты рвань! – сказала утюжная плитка и гордо проехала по воротничку. Она воображала себя локомотивом, который тащит за собой по рельсам вагоны. – Рвань! – повторила она.

Воротничок немножко пообтрепался по краям, и явились ножницы подровнять их.

– О! – вскрикнул воротничок. – Вы, должно быть, первая танцовщица? Вы так чудесно вытягиваете ножки! Ничего подобного не видывал! Кто из людей может сравниться с вами? Вы бесподобны!

– Знаем! – сказали ножницы.

– Вы достойны быть графиней! – продолжал воротничок. – Я владею только барином-щеголем, сапожной подставкой и гребенкой... Ах, будь у меня графство...

– Он сватается?! – вскричали ножницы и, осердясь, с размаху

так резнули воротничок, что совершенно искалечили его.

Пришлось его бросить.

– Остается присвататься к гребенке! – сказал воротничок. – Удивительно, как сохранились ваши зубки, барышня!.. А вы никогда не думали о замужестве?

– Как же! – сказала гребенка. – Я уже невеста! Выхожу за сапожную подставку!

– Невеста! – воскликнул воротничок. Теперь ему не за кого было свататься, и он стал презирать всякое сватовство.

Время шло, и воротничок попал наконец с прочим тряпьем на бумажную фабрику. Тут собралось большое тряпичное общество; тонкие тряпки держались, как и подобает, подальше от грубых. У каждой нашлось о чем порассказать, у воротничка, конечно, больше всех: он был страшный хвастун.

– У меня было пропасть невест! – тараторил он. – Так и бегали за мной. Еще бы! Подкрахмаленный, я выглядел таким франтом! У меня даже были собственные сапожная подставка и гребенка, хотя я никогда и не пользовался ими. Посмотрели бы вы на меня, когда я лежал, бывало, на боку! Никогда не забыть мне моей первой невесты – завязки! Она была такая тонкая, нежная, мягкая! Она бросилась из-за меня в лохань! Была тоже одна вдовушка; она дошла просто до белого каления!.. Но я оставил ее, и она почернела с горя! Еще была первая танцовщица; это она ранила меня, – видите? Бедовая была! Моя собственная гребенка тоже любила меня до того, что порастеряла от тоски все свои зубы! Вообще немало у меня было разных приключений!.. Но больше всего жаль мне подвязку, то бишь – завязку, которая бросилась из-за меня в лохань. Да, много у меня кое-чего на совести!.. Пора, пора мне стать белой бумагой!

Желание его сбылось: все тряпье стало белой бумагой, а воротничок – как раз вот этим самым листом, на котором напечатана его история, – так он был наказан за свое

хвастовство. И нам тоже не мешает быть осторожнее: как знать? Может быть, и нам придется в конце концов попасть в тряпье да стать белой бумагой, на которой напечатают нашу собственную историю, и вот пойдешь разносить по белу свету всю подноготную о самом себе!

(Голосов: **1**. Рейтинг: **4,00** из 5)

Загрузка...